

Принеслик Е. А.

[ЖЕНСКИЕ АРХЕТИПЫ В ЛИТЕРАТУРЕ ЧИКАНАС: ПЛАКАЛЬЩИЦА ЛА ЙОРОНА](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/50.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 121-124. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

вечной борьбе и показывают противоположные стороны проявления внешней и внутренней красоты и безобразия.

Список использованной литературы

1. **Русско-немецкий словарь:** Ок. 53 000 слов / Под ред. Е. И. Лепинг, Н. П. Страховой, К. Лейна и Р. Эккерта. - М.: Рус. яз., 1983. - 9-е изд., стереотип. - 848 с.
2. **Duden C.** Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. - Mannheim / Leipzig / Wien / Zürich: Dudenverlag, 1989. - Duden Band 7. - 844 S.

ЖЕНСКИЕ АРХЕТИПЫ В ЛИТЕРАТУРЕ ЧИКАНАС: ПЛАКАЛЬЩИЦА ЛА ЙОРОНА

Принеслик Е. А.

*Забайкальский институт предпринимательства
Сибирского университета потребительской кооперации, г. Чита*

На протяжении долгого времени американскую цивилизацию сравнивали с «плавильным котлом», однако, бурные 1960-е годы, ознаменовавшиеся движением этнических меньшинств США за свои права, сделали болезненно очевидным тот факт, что в этом «котле» наций осталось значительное количество не растворившихся компонентов. На смену модели «плавильного тигля» пришла концепция мультикультурализма. Литературный процесс, являющийся чутким барометром социально-политических изменений в жизни общества, отреагировал на смену культурной парадигмы, выходя из тени писателей, чье творчество до этого оставалось вне поля зрения американского канона и критики «основного потока». Сейчас можно с полным правом утверждать, что в последние десятилетия и в зарубежном, и отечественном литературоведении происходит активное переосмысление и переоценка явлений, считавшихся ранее маргинальными. Творчество представителей различных культурных и социальных групп - коренных индейцев, испано-, афро- и азиато-американцев, чиканос, женщин, сексуальных меньшинств - долгое время остававшееся «невидимым» в американской культурной жизни, сегодня активно изучается во многих университетах США (Women's, gender, Black, Latino, Chicano/a Studies), их произведения издаются крупными издательствами и включаются в антологии, появился и значительный корпус критических текстов.

Мексикано-американская литература (или литература чикано) - признанный компонент современной культуры США, характеризующийся, по мнению М.В. Тлостановой, «крайней многосоставностью, интенсивным культурным взаимодействием фронтального характера, гибридность индейских, испанских, мексиканских, англо-саксонских элементов внутри своего поля» [Тлостанова 2000: 166].

Примечательно, что в числе наиболее ярких представителей этой литературной традиции много авторов-женщин, которые особенно активно заявили о себе в 80-е г.г. XX века, а в 90-е их перу принадлежало уже две трети всей чикано/а литературы. Основные темы произведений писательниц-чиканас неизменно оказываются связанными с вопросами расового, классового и гендерного неравенства и подавления, испытываемого мексикано-американками в США. Вместе с тем, литературное творчество явилось для них важнейшим средством самовыражения, способствуя, тем самым, реализации процесса самоопределения. Частью этого поиска собственного «я» становится обращение мексикано-американских писательниц к своему культурно-историческому наследию, включающее критическое исследование патриархальных мифов и связанных с ними гендерных моделей и стереотипов, существующих в их культуре.

Как известно, культура мексиканцев отмечена мощной устной традицией, где мифы и архетипы всегда играли важную роль. (Само слово «миф» является производным от греческого «μυθήματα» - *говорить, рассказывать*). Мифы и архетипы создавались людьми в разных целях - для объяснения происхождения культуры, ее традиций и верований, морально-нравственных ценностей, для объяснения иерархических структур, существующих в любом обществе. Они выражают также желания, надежды и страхи людей.

Как отмечает мексикано-американский критик Т.-Д. Реболledo в культурологическом анализе литературы чиканас: «Мифология часто функционирует как коллективный символический код <...>. Культуры используют мифы и истории героев и героинь, чтобы создать ролевые модели. Эти истории позволяют нам отличить правильное поведение от неправильного, передать моральные ценности, и установить черты, считающиеся желательными в данном обществе» [Rebolledo 1995: 49].

Понимание и анализ современной литературы мексикано-американских писательниц будут неполными без обращения к устному наследию их мексиканских предков.

В культуре мексиканцев на протяжении веков сохраняется предание о Ла Йороне. Ла Йорона (La Llorona) - «кричащая» или «плачущая женщина» встречается поздно ночью, обычно вблизи водоемов, появляясь (по разным версиям легенды) то в образе индейской женщины, то старой безобразной ведьмы, то красивой девушки с длинными белыми волосами, либо облаченной в длинное белое одеяние. К настоящему времени известны десятки вариантов этой легенды, которые, все же, расходясь в некоторых деталях, сводятся к двум основным версиям. Согласно одной, Ла Йорона была бедной девушкой, полюбившей богатого знатного мужчину и родившей от него трех детей. Когда же возлюбленный покинул ее ради другой, доведенная до отчаяния женщина убила детей, бросила их тела в воду, а затем утопилась и сама. Однако Господь

не пустил душу грешницы в иной мир, приказав вернуться на землю и не возвращаться без детей. С тех пор, Ла Йорона бродит вдоль рек и океанов, плача и зовя своих детей.

По другой версии Ла Йорона предпочла утопить детей в попытке уберечь их тем самым от грядущих несчастий, которые неизбежны при засилье угнетателей (других племен, испанских конкистадоров и им подобных). Следует отметить, что большинство вариантов легенды представляют негативный образ Ла Йороны как жестокой, эгоистичной женщины, стремящейся освободиться от бремени материнства и продолжить свободный образ жизни.

Существуют разные мнения по поводу происхождения легенды о Ла Йороне. Некоторые связывают ее с эпохой Конкисты, отмечая, что легенда является отголоском средневековых испанских верований о неуспокоенных душах грешников, другие утверждают, что предание восходит к временам ацтеков. Так, в сказках, записанных испанцами со слов ацтеков, упоминается богиня Сиуакоатль, покровительница женщин, умерших при родах. С мертвым младенцем в руках либо с колыбелью на спине она бродит, плача, ночами. Встреча с ней считалась дурным знаменем [Castro 2001: 141]. Впрочем, аналогии могут быть найдены еще в античной культуре, достаточно вспомнить известный миф о Мееде. Варианты легенды о Плакальщице можно отыскать и в фольклоре скандинавских и других европейских стран (Ирландии, Голландии, Франции, Испании), в которых повествуется о женском призраке в длинном белом одеянии, бродящим ночью (часто по берегам или вблизи водоемов) и издающим душераздирающий крик (плач). Из наследия африканских рабов сохраняется в культуре черных американцев история о ветре, как о плачущей женщине, которая бродит вдоль водотоков в поисках своих убитых детей. Они были утоплены в океане, который также ассоциируется с женским образом, и с тех пор, ветер борется с водой, пытаясь вернуть себе потерянных детей [De Atagon 2006: 3-4].

Как справедливо замечает Т.-Д. Реболledo, плакальщица Ла Йорона «синкретический образ», связанный как с испанскими средневековыми представлениями и древнегреческим мифом о Мееде, так и с доколумбовой культурой ацтеков [Rebolledo 1995: 63].

Позднее появляются и новые интерпретации мифа - Ла Йорона оплакивает потерю Теночтитлана в эпоху испанской конкисты, а позднее, после событий Гражданской войны между Мексикой и США (1848), когда последним отошли территории нынешних штатов (Аризона, Колорадо, Нью-Мексико, Техас и Калифорния) - потерю Ацглана - прародины всех мексиканцев. Являясь потомками дважды колонизированного народа, многие чиканос считают себя сиротами Ла Йороны, потерянными детьми от брака между ацтеками и испанскими конкистадорами.

Плакальщица Ла Йорона стала излюбленным женским архетипом у современных мексикано-американских писательниц. О ней пишут художественные произведения и серьезные научные работы. Как констатирует известная писательница и критик К. Канделария: «Наконец, пришло время ухода со сцены одностороннего, ограниченного понимания истории, и стоит взглянуть на Ла Йорону как на постоянно развивающийся символ гендера, сексуальности и силы, а также как на еще одну женскую жертву, отданную на милость истории» [цит. по Castro 2001: 141]. Именно в такой перспективе, по-новому интерпретированный, а подчас и реабилитированный, используется образ Плакальщицы в произведениях известных писательниц-чиканас, о которых пойдет речь ниже.

Так, главная героиня романа Денис Чавес «Лицо ангела» (1995) Совейда сообщает, что узнала эту легенду не от матери: «Когда я была молодой, Долорес никогда не рассказывала мне историй о Ла Йороне, мифической женщине, которая бродит по берегу реки, оплакивая детей, которых она сама утопила. Только позднее я услышала о женщине, отвергнутой и презираемой любовником. Не в силах жить без него, она убила их детей, которых любила больше всего в жизни. Ла Йорона была сексуальным фантомом, скорбящей женщиной, которая бродит по берегам рек поздно ночью, мистическим, не дающим покоя призраком потерянной любви» [Chavez 1995: 49].

Сходная ситуация имеет место и в романе Аны Кастильо «Так далеко от Бога» (1994). Главная героиня, мать четырех дочерей София вспоминает: «Она знала только то, что рассказал ей отец, что Ла Йорона была плохой женщиной, которая оставила мужа и дом, утопила детей и сбежала, чтобы вести грешную жизнь, и Бог наказал ее вечным страданием, но она (София - *прим. Е. П.*) отказывалась повторять этот ночной кошмар своим дочерям» [Castillo 1994: 161]. Несмотря на то, что в Мексике и на Юго-Западе США, легенду о Ла Йороне часто рассказывают в назидание непослушным детям, пугая, что Ла Йорона заберет их, очевидно, нежелание Софии передавать девочкам стереотипы патриархальной культуры, представляющие женщину в негативном свете. Как отмечает К. Эскивель в своей работе «С мачете в ее руке» «и София, и Долорес, исходя из собственного опыта одиноких покинутых матерей и женщин, знающих о двойных гендерных стандартах, отказываются от сказки о Ла Йороне, отказываясь, таким образом, и от патриархальной логики этой легенды» [Esquivel 2006: 30-31].

Впрочем, в романе А. Кастильо Ла Йорона упоминается не только как героиня древнего предания. В определенном смысле ее чертами наделена и сама София, которая была покинута мужем и одна воспитывала четырех дочерей. Как и Ла Йорона, София вынуждена оплакивать смерть всех своих детей. Старшая дочь Софии - Эсперанза, успешная журналистка, которая по заданию своей телекомпании отправляется в одну из «горячих точек», где пропадает без вести. После гибели она уполномочивает призрака Ла Йороны донести до матери весть о своей смерти. «Кого как не Ла Йорону мог избрать дух Эсперанзы - женщину, которую обвиняло каждое поколение ее народа с незапамятных времен, и, все же, по мнению духа Эсперанзы, в самом

начале (до того, как на пути всего встали мужчины) Ла Йорона была всего лишь любящей богиней-матерью» [Castillo 1994: 162-163].

Чертами Ла Йороны наделяет Кастильо и двух других сестер - Фе и Каридад. Первая впадает в состояние непрекращающейся неделями истерики после того, как накануне свадьбы ее бросает жених, и мать про себя именует дочку Ла Гритоной (еще одно определение для Ла Йороны). Каридад, узнав об измене мужа, избавляется от беременности, убивая, как и Ла Йорона, собственное дитя, и предается после развода разгульной жизни. Однако, пережив ужасное насилие, изуродовавшее ее до неузнаваемости и, чудесным образом, воскреснув, она обретает силу целителя и помогает своим даром людям. Что касается Софии, то потеряв всех дочерей, она, скорбя и оплакивая их, посвящает себя общественной работе в своей общине, объединяя женщин в коллектив единомышленниц, способный противостоять жестоким реалиям жизни. Основанное ею общество называется М.О.М.А.С. («Mothers of Martyrs and Saints») - «Матери Мучеников и Святых». Таким образом, матери, потерявшие дорогих им детей, современные Ла Йороны, находят избавление от вечных страданий в коллективной деятельности.

Как коллективный (собираемый) трактуется образ Ла Йороны и в рассказе Элены-Марии Вирамонтес «Кафе Карибу» (1993), где он связан со всеми женщинами и детьми из стран Центральной и Южной Америки, пытавшимися в поисках лучшей доли нелегально пересечь границу Мексики с США в 1980-е. В кульминационной сцене рассказа безымянная сальвадорская женщина, ищущая пропавшего сына, слышит рядом с собой голос Ла Йороны: «Темнота превратилась в змеиный язык, поглотив всех нас. Это ночь Ла Йороны. Женщины возникли из самого сердца скорби, чтобы искать своих детей. Я присоединилась к ним, неистовая, доведенная до отчаяния, и наши глаза превратились в радары, наши тела напряглись <...>. Я слышала женский плач и знала, что он должен быть и моим» [Viramontes 1993: 72-72]. Как отмечает М. Каминеро, «таким образом Вирамонтес переписывает миф о Ла Йороне, матери обезумевшей от горя и вины, в символ сопротивляющейся общности, основанный именно на роли женщин как матерей потерянных детей...» [Caminero-Santangelo 1998: 165].

Интересная интерпретация образа плакальщицы - «феминистская ревизия мифа о Ла Йороне» [Gebhardt 2005: 78] представлена в рассказе Сандры Сиснейрос «Ручей кричащей женщины» (1992). Плач Ла Йороны ассоциируется с названием ручья в пограничном с Мексикой городке США, куда переселяется после замужества главная героиня Клеофила. Ручей зовется среди местного населения «Woman Hollering» или на испанский манер «La Gritona» - Кричащая женщина, «хотя никто так и не мог объяснить от чего кричит женщина - от гнева или от боли» [Cisneros 1992: 47]. Жизнь Клеофила ограничена пространством дома, ей некуда пойти в городке, разве, что только к соседкам - Соледад (*исп. одиночество*), или к Долорес (*исп. горе*), или пойти к ручью Ла Гритона. Имена соседок и их судьба также несут отголоски мифа о Плакальщице, поскольку первая была брошена мужем, а вторая потеряла и мужа и двух сыновей. Драматично складывается и жизнь главной героини, вынужденной смиренно переносить грубость, равнодушие и неверность своего мужа. Будучи беременной вторым ребенком, Клеофила проходит обследование, во время которого врач замечает многочисленные синяки на ее теле и с помощью еще одной сотрудницы клиники решает помочь Клеофила сбегать от мужа. На пути к спасению, проезжая через ручей, героиня слышит крик восторга, который издает водитель грузовика, молодая мексикано-американка Фелис. Как и имя спасительницы, этот крик символизирует уже не боль или отчаяния, а счастье освобождения.

В заключении необходимо еще раз подчеркнуть, что, будучи сложной и противоречивой фигурой - «творец и разрушитель, мать и убийца, грешница, обреченная на вечный поиск своих погубленных детей - Ла Йорона предлагает мощный образ, говорящий за всех обездоленных людей обеих Америк, а также чиканас...» [Madsen 2000: 34]. Писательницы пытаются до некоторой степени реабилитировать образ Плакальщицы, проводя мысль о том, что женщина не совершила бы преступление, если бы мужчина не обращался с ней столь преступно безответственно. Многозначность и неоднозначность образа, понятность и близость судьбам многих мексикано-американок делают его столь популярным архетипом современной литературы чиканас.

Список использованной литературы

1. **Тлостанова, М. В.** Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века [Текст] / М. В. Тлостанова. - М.: ИМЛИ РАН; «Наследие», 2000. - 400 с.
2. **Caminero-Santangelo, M.** The Madwoman Can't Speak: Or why Insanity is Not Subversive [Text] / M. Caminero-Santangelo. - Cornell University Press, 1998. - 195 p.
3. **Castillo, A.** So Far From God [Text] / A. Castillo. - A Plume Book, 1994. - 252 p.
4. **Castro, R. G.** Chicano Folklore: A Guide to the Folktales, Traditions, Rituals and Religious Practices of Mexican Americans [Text] / R. G. Castro. - US: Oxford University Press, 2001. - 336 p.
5. **Chavez, D.** Face of an Angel [Text] / D. Chavez. - Grand Central Publishing, 1995. - 480 p.
6. **Cisneros, S.** Woman Hollering Creek and Other Stories [Text] / S. Cisneros. - Vintage Books, 1992. - 165 p.
7. **De Aragon, R. J.** The Legend of La Llorona [Text] / R. J. De Aragon. - Sunstone Press, 2006. - 94 p.
8. **Esquibel, C. R.** With Her Machete in Her Hand: Reading Chicana Lesbians [Text] / C. R. Esquibel. - University of Texas Press, 2006. - 245 p.
9. **Gebhardt, N.** Female Mythologies in Contemporary Chicana Literature [Text] / N. Gebhardt. - GRIN Verlag, 2007. - 132 p.

10. Madsen, D. L. Understanding Contemporary Chicana Literature [Text] / D. L. Madsen. - University of South Carolina Press, 2000. - 283 p.

11. Rebolledo, T. D. Women Singing In the Snow: a Cultural Analysis of Chicana Literature [Text] / T. D. Rebolledo. - The University of Arizona Press, 1995. - 250 p.

12. Viramontes, H. M. The Moths and Other Stories [Text] / H. M. Viramontes. - Arte Publico Press, 1995. - 125 p.

КОММЕНТАРИЙ КАК ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ

Прудникова Ю. И.

Оренбургский государственный педагогический университет

Комментирование присуще мышлению человека a priori.

Само слово «комментарий» от латинского “commentarius” толкуется двояко: в узком смысле - заметки, толкования произведения, т.е. объяснительные примечания к тексту, и шире - как рассуждения, выражение мнения и критика любого объекта вообще.

Комментарий - это совокупность сведений, которые, как считает комментатор, необходимы для того, чтобы адресат комментария адекватно понял текст (адекватно - так, как по мнению комментатора, это замыслил автор). Адресатом комментария могут выступать менее сведующие читатели, учащиеся, представители других культур (комментарий для иностранцев). Обычно комментатор считает себя полностью понимающим текст и знающим возможности понимания, имеющиеся у адресата. В результате комментарий имеет дело с тремя совокупностями знаний. Каждую такую совокупность можно представить как трехэлементное множество. Назовем каждое множество «ситуация понимания».

Ситуация понимания включает в себя, во-первых, фоновые знания, во-вторых, языковую картину мира (представления о значениях слов и более крупных единиц и связанных с ними ассоциациях и т.п.), в-третьих, образованное на основании первых двух понимание текста. И фоновые знания, и языковая картина мира различаются в каждой из ситуаций, а значит, различается и третий компонент ситуации понимания - результат постижения, способ прочтения текста. Неизменным остается лишь сам текст.

Мы имеем дело с ситуациями понимания одного и того же текста у автора, адресата (читателя) и комментатора (т.е. три ситуации понимания для описываемого случая комментирования текста). Задача комментатора: сопоставить свое понимание текста (которое он считает таким же, как авторское) с пониманием читателя, выявить несовпадения (непонимание или неправильное понимание) и сообщить информацию, ликвидирующую несовпадения, в виде комментария [Гаспаров 2004: 56].

Возникает и четвертая ситуация понимания, относящаяся к исследователю, изучающему комментарий. Это можно рассматривать как итерацию процедуры, описанной выше. От исследователя требуются следующие действия: а) отметить на основании комментария, в каких местах текста имеется несовпадение ситуации понимания комментатора и (по мнению комментатора) адресата, б) на основании этого восстановить ситуацию понимания адресата комментария, т.е. читателя определенной эпохи и/или культуры. Это восстановление может иметь двойственную цель. С одной стороны, оно позволяет активизировать фоновые знания и языковую картину мира адресата, что может понадобиться для моделирования понимания ими других текстов (например, представить, как понимали то или иное произведение люди этой эпохи или какие проблемы вызовет определенный текст у жителей данной страны). С другой стороны, выявляются те моменты текста, которые в принципе могут оказаться проблемными. Понятно, что при сопоставлении с пониманием исследователя набор этих моментов может несколько отличаться, однако это уже важное подспорье в том случае, если исследователь в свою очередь хочет выступить комментатором. В восстановленных ситуациях понимания могут содержаться сведения, которые по какой-то причине могут оказаться неизвестными исследователю. Т.е. понимание текста адресатом и комментатором может быть точнее, чем у исследователя.

Далее необходима еще одна процедура - третья в этом ряду, назовем ее в): исследователь определяет моменты непонимания, нуждающиеся в комментарии, т.е. отличие понимания адресата комментария от исследовательского понимания. Иными словами, какой комментарий дал бы исследователь, если бы это было его целью. Несовпадение комментариев может служить основанием для выводов о комментаторе: какие-то места он или не считал непонятными для адресата, или считал неважными для понимания. Возможен и третий вариант: комментатор сам не владел какой-то информацией и из-за этого что-то плохо понимал в комментируемом тексте. Эта неоднозначность разрешается (по крайней мере, частично) путем обращения к более широкому контексту. Например, отсутствие комментария к значениям каких-то слов может означать, что ко времени комментирования слова еще имели то же значение, что и у автора, и были понятны адресату комментария.

Комментарий состоит из элементов по крайней мере двух текстов: он включает фрагменты исходного текста и информацию из энциклопедических, лексикографических и прочих источников.

Таким образом, обращение к комментарий позволяет получить следующую информацию:

- Сведения о фоновых знаниях (в основном это сведения по культуре) и о языке адресата.
- Аналогичные сведения о комментаторе.
- Сведения об основных случаях несовпадения ситуации понимания автора с ситуациями понимания его читателей.
- Представление комментатора о ситуации понимания адресата, о важности той или иной информации.